

СЕРГЕЙ ЦАТРУШЕВ

ИГРА С СУДЬБОЙ

Сергей Патрушев

Игра с судьбой

«Автор»

2026

Патрушев С.

Игра с судьбой / С. Патрушев — «Автор», 2026

Кайан — проходчик, человек, заглянувший за грань смерти и вернувшийся с даром видеть нити вероятностей. Восемь лет мастер Орлан учил его Танцу с Роком — искусству уклоняться от ударов судьбы. Дар — это проклятие: каждое вмешательство в грядущее оставляет шрамы и требует кровавой платы. Когда элитный отряд барона Вэйна уничтожил его деревню и похитил возлюбленную Лиану, Кайан поклялся отомстить. Теперь он идёт по следу Стальных Псов, не подозревая, что Лиана не просто пленница, а живой источник тёмной магии, продлевающей жизнь барона. Враги носят амулеты, делающие их слепыми пятнами для предвидения. А сам барон видит будущее так же ясно, как и Кайан. Чтобы победить, герою придётся обмануть судьбу, пожертвовать даром и совершить самоубийственный поступок, который не способен предсказать ни один провидец. Но каждая победа лишь начало новой партии, где цена — жизнь любимой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена дара	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Игра с судьбой

Глава 1. Цена дара

Запах гари вьёлся в ноздри Кайана задолго до того, как он осознал, что снова просыпается, и в этом запахе не было ничего общего с мирным дымом очага, согревающего дом в холодные зимние вечера, или с лёгким ароматом тлеющих трав, которые мастер Орлан иногда бросал в жаровню, чтобы очистить воздух пещеры от сырости и застоявшегося запаха старой кожи. Нет, это был совсем другой запах — сладковатый, тошнотворный, пропитанный ужасом и безысходностью, тот самый дух горящей плоти и сухого дерева, который, казалось, вьёлся не только в его ноздри, но и в саму ткань его души, в каждую клеточку его тела, в каждое воспоминание, которое он так отчаянно пытался похоронить под грузом лет и бесконечных тренировок, но которое, словно застарелая рана, снова и снова открывалось в самые тёмные часы ночи.

Он не хотел открывать глаза, потому что знал наверняка, что увидит, и это знание было страшнее любой тьмы, которая окружала его под сомкнутыми веками, ибо тьма эта была наполнена звуками, которые преследовали его годами и от которых невозможно было спрятаться ни в глубоком сне, ни в изнурительных медитациях, ни в холодной воде горных ручьёв, куда он окунался с головой, надеясь хоть на мгновение заглушить этот внутренний шум.

Тьма оживляла звуки, и они обрушивались на него с новой силой: отвратительный треск рушащихся деревянных балок, которые ломались, как сухие ветки под ногами великана; предсмертный хрип отца, который так и не успел произнести ни слова, лишь захлебнулся собственной кровью, хлынувшей из перерезанного горла; и звонкий, пронзительный, разрезающий ночь крик Лианы, который оборвался так внезапно и так резко, словно его перерезали ножом, словно сама жизнь покинула её тело в одно страшное мгновение, оставив после себя лишь звенящую, оглушающую пустоту.

— Смотри, — раздался из темноты сухой, как шелест древнего пергамента, голос, и в этом голосе не было ни тепла, ни сочувствия, ни даже простого человеческого участия, лишь бесконечная, выплывшая усталость и та особая отстранённость, которая приходит к человеку, слишком долго жившему вдали от людей и слишком близко к тому незримому, что обычные люди называют судьбой или роком.

Кайан вздрогнул, и это движение вырвало его из цепких объятий кошмара, заставив открыть глаза и увидеть перед собой не пылающую деревяню, не окровавленные тела на земле и не ухмыляющиеся лица наёмников, а холодные, покрытые изморосью каменные своды пещеры, в которой он провёл последние восемь лет своей жизни, обучаясь искусству, о котором большинство людей даже не подозревало. Ровный, холодный свет исходил от грозди светящихся грибов, растущих прямо из трещины в граните, и этот свет, лишённый какого-либо тепла, окрашивал всё вокруг в бледные, мертвенные тона, делая пещеру похожей на склеп, в котором не хватало только каменного саркофага. Напротив, скрестив ноги на грубо отёсанном каменном полу, сидел мастер Орлан, и в этом призрачном свете морщины на его лице, и без того глубокие, казались ещё глубже, словно трещины на древней коре векового дуба, а седина в

его длинных чёрных волосах — серебряной паутиной, застывшей на чёрном шёлке. Его глаза, цвета выпетшего от времени северного неба, смотрели на Кайана с тем особым выражением, которое не было ни сочувствием, ни укором, ни даже простым любопытством, а скорее холодной, отстранённой оценкой человека, который привык видеть в других не живые души, а лишь инструменты для достижения собственных целей или, возможно, для достижения целей, которые он сам не до конца понимал.

— Ты снова там, — произнёс Орлан не как вопрос, а как утверждение, и в его голосе прозвучала та самая усталость, которая появляется у учителя, раз за разом наблюдающего за тем, как его ученик спотыкается на одном и том же месте. — Отпусти.

— Я не держусь, — голос Кайана был хриплым, словно он только что выбрался из-под толщи земли, и каждое слово давалось ему с трудом, вырываясь из горла вместе с остатками ночного кошмара. — Оно само... возвращается.

— Значит, ты держишь его, — спокойно возразил мастер, и в этом спокойствии было больше осуждения, чем в любом крике, потому что Орлан никогда не повышал голоса, но его тихие слова обладали способностью проникать в самые глубокие, самые потаённые уголки сознания, куда Кайан не пускал даже самого себя. — Ты держишь его мёртвой хваткой, боясь забыть, потому что забыть для тебя — значит предать. Но чтобы видеть нити, Кайан, твой разум должен быть чист, как горное озеро в безветренную погоду. Прошное — это груз, который тянет тебя на дно, это камень на твоих ногах, и с этим камнем ты никогда не научишься танцевать. А будущее требует лёгкости, той самой лёгкости, которую ты так упорно отвергаешь, цепляясь за свои воспоминания, как утопающий цепляется за острую скалу.

Кайан сжал челюсти до хруста, чувствуя, как желваки заходили под кожей, и этот хруст отозвался в его ушах, словно треск ломающейся кости. Лёгкость. Как можно говорить о лёгкости, когда каждую ночь он видит, как меч наёмника входит в грудь отца, как мать пытается заслонить его своим телом, раскинув руки, словно пытаясь остановить неумолимый поток стали и ярости, как... как уводят её, его Лиану, уводят в темноту, из которой она, возможно, уже никогда не вернётся. Он помнил каждую деталь того дня, выжженную в его памяти калёным железом, помнил с такой ясностью, которая граничила с безумием, и эта ясность была его проклятием, его наказанием за то, что он выжил, когда все, кого он любил, погибли или были обречены на участь худшую, чем смерть.

Он помнил запах крови, смешанный с дождём, помнил, как грязь набивалась под ногти, когда он полз по размокшей земле с разрубленным плечом, помнил презрительные ухмылки тех, кто пришёл за «добычей», и смех. Громкий, лающий, отвратительный смех человека с обожженной половиной лица — вождя отряда, того самого, кто увёз Лиану, того самого, чьё лицо навсегда отпечаталось в сознании Кайана, как клеймо, как метка, которую он обязан был найти и стереть с лица земли.

— Нити, — прервал его воспоминания Орлан, и слово это прозвучало как щелчок кнута, как удар хлыста по взмокшей спине, заставив Кайана вздрогнуть и вернуться в реальность, которая, впрочем, была немногим лучше его кошмаров. — Ты видишь их или нет?

Кайан сделал глубокий вдох, который дался ему с трудом, словно воздух в пещере стал вдруг вязким и плотным, как болотная жижа, и этот вдох, вместо того чтобы успокоить, лишь

разбередил старую боль в груди, ту самую боль, которая никогда не уходила полностью, а лишь затаивалась до поры до времени, чтобы вернуться в самый неподходящий момент.

Он заставил себя вынырнуть из липкого ужаса прошлого в холодное, отрезвляющее настоящее, заставил себя сфокусировать взгляд на окружающей обстановке, на грубом столе, сколоченном из неотёсанных досок, на двух каменных ложах, покрытых вытертыми шкурами горных козлов, на полке, уставленной флаконами с высушенными травами и блестящими от сырости сосудами, и на старом, испещрённом странными символами гобелене, который висел на дальней стене пещеры и который Кайан до сих пор не мог до конца понять, хотя провёл перед ним бесчисленные часы, пытаясь разгадать его тайный смысл. Гобелен всегда казался ему картой, но не той картой, что рисуют на пергаменте, а картой чего-то незримого, чего-то, что невозможно изобразить обычными линиями и знаками, — картой извилистых путей, которые могли привести в тысячу разных мест, в тысячу разных жизней, в тысячу разных смертей.

— Нет, — признался он наконец, и это признание далось ему нелегко, потому что он привык бороться с собой до последнего, привык выжимать из своего дара всё возможное и невозможное, но сегодня его разум был слишком замутнён воспоминаниями, слишком отягощён прошлым, чтобы пробиться сквозь пелену к тем тончайшим, едва уловимым линиям вероятности, которые он научился различать за годы изнурительных тренировок. — Не сейчас. Слишком темно.

— Тьма — лучшее время, чтобы видеть свет, — Орлан поднялся, и его высокая, костлявая фигура в тёмных, свободных одеждах показалась Кайану скелетом, обтянутым кожей, призраком, восставшим из могилы, чтобы снова мучить его бесконечными уроками, бесконечными испытаниями, бесконечной чередой дней и ночей, сливающихся в один бесконечный, изнурительный танец на грани безумия. — Встань.

Тренировка началась, как начиналась бесчисленное множество раз до этого, и Кайан знал, что она будет такой же изнурительной, такой же беспощадной, как и все предыдущие, потому что Орлан не признавал полумер, не признавал поблажек, не признавал усталости или слабости. Это был ритуал, отточенный до автоматизма за долгие годы, и каждый раз, когда Кайан проходил через него, он чувствовал, как его собственное тело и разум истончаются, стираются, переплавляются во что-то иное, во что-то, что уже не было полностью человеческим. Орлан завязал Кайану глаза грубой тканью, пахнувшей пылью и какой-то едкой травой, от запаха которой начинала кружиться голова, и они вышли из пещеры в ночной лес, окутанный плотным, влажным туманом, который стелился по земле, как дыхание древнего, спящего под землёй чудовища.

Кайан знал этот путь наизусть — каждый корень, каждый валун, каждую развилку, каждую ложбину, где по утрам скапливался особенно густой туман, — но Орлан никогда не вёл его просто по кругу, никогда не выбирал простых, проторенных троп, потому что в простоте не было вызова, а без вызова не было роста. Он вёл его через «не-путь», через тот самый путь, которого не существовало в реальности, но который существовал в вероятности, в бесконечном сплетении возможных дорог, которые могли бы пролечь через этот лес, если бы деревья росли иначе, если бы камни лежали по-другому, если бы само время текло в другом направлении. Он шёл, не выбирая дороги, перепрыгивая через расщелины, огибая болотистые низины, двигаясь резкими, непредсказуемыми рывками, которые невозможно было предугадать, невозможно было просчитать, невозможно было уловить с помощью обычных чувств. И в этом хаосе, в

этом кажущемся безумии Кайан должен был найти порядок, должен был услышать ту самую тончайшую, едва уловимую мелодию, которая звучала за пределами слышимого и видимого.

— Не иди за мной, — донесся до него голос мастера откуда-то слева, но в следующее мгновение он прозвучал уже справа, а затем и вовсе сверху, словно Орлан научился растворяться в тумане и появляться там, где его меньше всего ждали. — Иди туда, куда я пойду до того, как я туда ступлю. Предвосхищай. Не следуй. Танцуй.

Это была суть их искусства, суть того, чему Орлан посвятил свою жизнь и чему теперь учил Кайана, не жалея ни сил, ни времени, ни самого ученика, который порой чувствовал себя лишь глиной в руках безжалостного гончара. «Танец с Роком» — так называл это Орлан, и в этом названии было больше правды, чем Кайан мог осознать в первые годы своего обучения. Судьба не была прямой линией, не была предопределённым путём, который невозможно изменить, как верили многие жрецы и пророки, наживавшиеся на страхе простых людей. Она была паутиной, гигантской, бесконечной паутиной, сотканной из неисчислимого множества нитей, и каждое существо, каждое живое создание, от мельчайшей букашки до величайшего из королей, было мухой, бьющейся в её невидимых сетях. Но паук, плетущий эту паутину, был слеп. Он не видел своих жертв. Он чувствовал вибрации. И задача Кайана была не в том, чтобы видеть паука, не в том, чтобы понять его замысел или предугадать его следующий шаг, а в том, чтобы чувствовать дрожание нити за секунду до того, как она задрожит, чувствовать то самое первое, почти неощутимое движение, которое предшествует любому событию, любому удару, любой смерти.

Сначала он спотыкался. Ветки хлестали по лицу, оставляя на коже горящие, саднящие полосы, ноги подворачивались о невидимые корни, а падения были такими частыми и такими болезненными, что порой он не мог подняться без посторонней помощи. Его разум протестовал, кричал, что это невозможно, что он должен замедлиться, должен услышать шаги, должен почувствовать дуновение ветра, выдающее движение, но Орлан был неутомим и безжалостен. Его голос возникал то с одного бока, то с другого, то сверху, то, казалось, из-под земли, заставляя Кайана метаться, спотыкаться, падать и снова подниматься, пока его лёгкие не начинали гореть огнём, а мышцы не сводило судорогой от перенапряжения.

— Не анализируй! — рявкал мастер, когда Кайан замирал на месте, пытаясь справиться с мыслями и просчитать следующий шаг. — Чувствуй. Отринь всё, что знаешь. Знание — это клетка, это стены, которые ты сам возвёл вокруг своего разума. Осязание, запах, слух — это лишь грубые обертоны, лишь жалкие отголоски истинного восприятия. Есть тоньше. Пространство имеет свой запах, время — свой вкус. Ощути их! Перестань быть человеком. Стань эхом.

Постепенно, изо дня в день, из ночи в ночь, через боль, через отчаяние, через моменты, когда Кайан был готов всё бросить и уйти, что-то начало меняться. Сначала это были едва уловимые, мимолётные импульсы, которые он не мог ни объяснить, ни удержать, ни даже толком осознать. Это походило на то, как если бы он шёл по ледяному озеру и вдруг, за миг до того, как лёд ломался, слышал его глухой, предостерегающий стон. Он начал предугадывать падение камня за мгновение до того, как Орлан его бросал. Он знал, где появится мастер, не потому что слышал его шаги или улавливал шорох одежды, а потому что чувствовал намерение — лёгкий, ускользающий мыслеобраз, который, как круги на воде от брошенного камня, расходился во все стороны, проникая в самую ткань реальности и оставляя на ней едва заметные, но всё же различимые следы.

Сегодня, в эту холодную, промозглую ночь, когда туман стелился по земле, как саван, а луна едва пробивалась сквозь плотные тучи, это чувство было особенно сильным. Возможно, виной тому была бессонница, измучившая его за последние несколько дней, или жгучие воспоминания, которые странным образом обострили все его чувства, сделав его восприимчивым к тем тончайшим вибрациям, которые обычно ускользали от него. Но он слышал. Он не видел, но чувствовал каждую ветку на своём пути как тонкую серебряную линию на тёмной ткани мира, чувствовал, как эти линии изгибаются, переплетаются, образуют сложный узор, в котором можно было различить не только настоящее, но и отголоски возможного будущего. Он двигался не как слепой, не как человек, лишённый зрения, а как хищник, ведомый внутренним компасом, указывающим не на север, не на юг, а на точку в ближайшем будущем, на то самое место, где он должен был оказаться, чтобы не столкнуться с препятствием, не упасть, не оступиться.

Орлан остановился. Не физически, не просто прекратил движение, но его разум замолчал, перестал излучать те самые тонкие импульсы намерения, которые Кайан научился улавливать за годы тренировок. Это было похоже на то, как если бы солнце вдруг погасло, оставив мир в полной, абсолютной темноте. Но Кайан не остановился. Он сделал шаг вперёд, затем ещё один, ведомый не зрением, не слухом, не каким-либо из известных ему чувств, а тем самым необъяснимым, почти мистическим ощущением, которое он с таким трудом развивал в себе все эти годы, и, к собственному удивлению, положил руку на плечо мастера, который стоял, слившись со стволом огромного, узловатого дуба, такого старого, что его кора напоминала кожу дряхлого великана.

— Хорошо, — голос Орлана прозвучал у самого уха Кайана, и в нём, впервые за долгое время, послышались нотки сдержанного, почти недоверчивого удовлетворения, того самого удовлетворения, которое испытывает мастер, увидевший, наконец, плоды своих многолетних трудов. — Ты перестал искать. Ты начал видеть.

Кайан сорвал повязку и жадно вдохнул холодный, пронизывающий до костей ночной воздух, который, впрочем, не принёс ему облегчения, а лишь наполнил лёгкие обжигающим холодом, заставив его поёжиться. Его собственный успех не принёс ему радости, не вызвал ни гордости, ни удовлетворения, ни даже простого облегчения от того, что очередная тренировка закончилась. Только звенящую, всепоглощающую пустоту и страшную, свинцовую усталость, которая, казалось, проникала в самые кости, в самые глубины его существа. Он смотрел на свои ладони, смотрел долго и пристально, словно впервые видел их. На них уже не было мозолей от плуга, не было следов тяжёлой деревенской работы, которой он занимался с самого детства, помогая отцу в кузнице и матери в поле. Его деревенская жизнь была стёрта годами, стёрта начисто, словно её и не было вовсе, стёрта бесконечными тренировками, медитациями, погружениями в те глубины собственного сознания, куда он раньше боялся заглядывать. Теперь его ладони были сухими и твёрдыми, как старая кожа, покрытыми тонкими, едва заметными шрамами, которые остались не от мечей, не от боёв, а от попыток поймать судьбу голыми руками, от попыток ухватить ту самую ускользающую нить вероятности, которая, как раскалённая проволока, обжигала кожу при каждом прикосновении.

— Почему? — внезапно вырвалось у него, и он сам не понял, как этот вопрос, который он задавал себе бесчисленное количество раз в тишине бессонных ночей, сорвался с его губ, прозвучал в холодном ночном воздухе, повис между ним и мастером, как незримое обвинение. — Почему вы спасли меня, мастер?

— Я не спасал тебя, — бесстрастно ответил Орлан, прислонившись спиной к шершавому стволу дуба, и его бледные глаза, устремлённые на тонкий серп ущербной луны, которая то появлялась, то исчезала за быстро бегущими облаками, казались двумя осколками льда, отражающими холодный, безжизненный свет. — Я подобрал падаль. Ты был мёртв, Кайан. Твоё тело умирало на обочине той дороги, истекая кровью, как зарезанная свинья. Твоя душа... она была уже за чертой, уже ступила за ту грань, откуда нет возврата. Ты был пустым сосудом, готовым принять что угодно — добро, зло, безумие, дар, проклятие. Это была слишком редкая удача, чтобы пройти мимо. Я искал такой сосуд много лет, искал по всему свету, и когда нашёл, не мог позволить себе упустить его.

Это признание не ранило Кайана, не оскорбило его, не вызвало в нём ни гнева, ни обиды, ни разочарования. Оно закалило его, добавило ещё один слой льда к той броне, которую он возводил вокруг своего сердца все эти годы. Значит, так тому и быть. Он не был спасённым, не был благодетельствованным, не был обязан мастеру жизнью в том смысле, в каком обычно бывают обязаны спасённые своим спасителям. Он был инструментом, который подобрали с земли, отмыли от грязи и крови, и наточили до зеркального блеска, до той остроты, когда лезвие способно рассекать не только плоть, но и саму ткань реальности. И у этого инструмента была только одна цель, только одно предназначение, которое он сам для себя выбрал в ту самую ночь, когда умер в первый раз. Возможно, у Орлана были свои цели, свои планы, свои расчёты, но Кайана они не интересовали. Его интересовала только месть.

— Я помню, — тихо сказал Кайан, глядя на свои покрытые шрамами ладони, которые в тусклом свете луны казались бледными, как у трупа. — Как вы пришли. Был дождь, холодный, пронизывающий, он лил, не переставая, несколько дней подряд, и земля превратилась в сплошное месиво из грязи и крови. Я лежал лицом в этой грязи и смотрел, как она расступается под каплями, как вода смешивается с кровью, стекающей из моей раны, образуя мутные ручейки, уносящие мою жизнь в придорожную канаву. Вкус железа во рту не исчезал, сколько бы я ни пытался сплюнуть, и этот вкус, казалось, навсегда вьёлся в мои дёсны. Я смотрел на их сапоги, на эти грубые, подбитые железом сапоги, которые топтали землю моей деревни, топтали тела моих близких, топтали всё, что было мне дорого. Они уходили, эти сапоги, уходили в туман, в темноту, в неизвестность. Они увозили её, мою Лиану, увозили туда, куда я не мог за ними последовать.

Воспоминание нахлынуло с новой силой, но теперь, спустя восемь лет, Кайан не пытался его отогнать, не пытался спрятаться от него, не пытался утопить его в ледяной воде горных ручьёв или изнурительных тренировках. Он скользил по нему, как по гладкому лезвию ножа, которое больше не приносило боли, а лишь дарило холодную, отрезвляющую ясность, ту самую ясность, которая была необходима для того, чтобы видеть нити вероятности, чтобы чувствовать дрожание паутины судьбы, чтобы танцевать свой танец с роком.

Ему было семнадцать, когда небо упало на их деревню, когда привычный мир, состоящий из простых, понятных вещей — восхода солнца, пения петухов, запаха свежеспечённого хлеба и тёплой улыбки Лианы, — рухнул в одночасье, погребя под своими обломками всё, что он знал и любил. Это произошло не в виде кары богов, не в виде природного катаклизма, не в виде чумы или голода, а в виде закованных в сталь и кожу мужчин на лошадях, которые появились из вечернего тумана, как стая голодных волков, как порождения самого кошмара, как демоны, вырвавшиеся из глубин преисподней. Не было ни требований, ни ультиматумов, ни попыток договориться. Они пришли за молодыми девушками и сильными мужчи-

нами, за добычей для работорговцев с восточных перевалов, где человеческая жизнь ценилась дешевле, чем жизнь хорошей лошади. Но деревня отказалась отдать своих, отказалась подчиниться, отказалась сдаться без боя, и тогда начался сущий ад.

Отец Кайана, местный кузнец, человек огромной физической силы и неукротимого духа, одним из первых вышел вперёд с молотом в руках, с тем самым молотом, которым он ковал подковы и плуги, лемехи и косы, и этот молот, предназначенный для мирного труда, стал в его руках оружием, оружием отчаяния, оружием человека, защищающего свой дом и свою семью. Его убили быстро, ударом копья в горло, убили, как убивают быка на бойне, убили, не дав ему даже возможности нанести хотя бы один удар. Мать закричала. Её крик был первым звуком, который Кайан потерял. Он перестал слышать, перестал воспринимать окружающий мир, перестал чувствовать что-либо, кроме всепоглощающего ужаса и леденящего кровь отчаяния. Он бросился к сеновалу, где оставил старый, давно не использовавшийся арбалет, который они с отцом когда-то чинили для одного из соседей. Но он был слишком медлителен, слишком неуклюж, слишком неопытен в искусстве боя, и эта медлительность стоила ему всего.

Вожак наёмников, человек с обожженной половиной лица, настиг его у околицы, у той самой околицы, где Кайан тысячу раз проходил вместе с Лианой, держа её за руку и слушая её смех. Кайан помнил, как сталь рассекла воздух, помнил этот отвратительный, свистящий звук, предшествовавший удару, помнил, как его плечо взорвалось болью, как эта боль была настолько сильной, что он потерял способность дышать, потерял способность думать, потерял способность видеть. Он упал, а мир вокруг наполнился противным, монотонным звоном, который, казалось, звучал в его голове бесконечно, заглушая все остальные звуки, все крики, все стоны, весь ужас происходящего.

И Лиана. Его Лиана. Дочь местной травницы, девушка с глазами цвета летнего леса, с волосами, пахнущими полевыми цветами, с улыбкой, способной растопить самый холодный лёд. Та самая Лиана, которая обещала ждать его, если купеческий караван заберёт его в ученики, которая верила в него так, как никто другой, которая видела в нём не просто сына кузнеца, а нечто большее, нечто особенное. Она бежала к нему, не разбирая дороги, прямо сквозь огонь, прямо сквозь дым, прямо сквозь ужас и смерть, бежала, чтобы спасти его, чтобы утешить его в безопасное место, чтобы умереть рядом с ним, если потребуется. Он помнил, как её сарафан вспыхнул, как факел, как огонь охватил её стройную фигуру, как её лицо, искаженное болью и ужасом, стало последним, что он видел прежде, чем чья-то сильная рука схватила её поперёк талии и вздернула на седло, как мешок с зерном. Вожак с обожженным лицом, этот демон во плоти, посмотрел на лежащего в грязи Кайана, умирающего, но всё ещё живого, посмотрел с презрением, с безразличностью, с тем самым выражением, с каким смотрят на раздавленного таракана. Он не стал тратить время на второй удар, не стал милосердно добивать умирающего юношу. Он просто подъехал ближе, наклонился с седла и грязным, подбитым железом сапогом пнул его в висок. Мир взорвался белой, ослепительной болью и провалился в черноту, в ту самую черноту, из которой Кайан, как ему тогда казалось, уже никогда не выберется.

Когда Кайан очнулся, был другой день, или, возможно, ночь, он не мог сказать наверняка, потому что время потеряло для него всякий смысл, а мир превратился в размытое, неразличимое пятно боли и страдания. Дождь. Холод. Пронизывающий до костей холод, который, казалось, проникал в самое сердце, останавливая его биение. И лицо, склонившееся над ним, лицо человека с глазами невероятной, пронзительной голубизны, глазами, которые, казалось, видели его насквозь, видели не только его израненное тело, но и его израненную душу, видели

то, что находилось за гранью обычного восприятия. Орлан. Мастер Орлан, как он представился позже, хотя тогда, в тот момент, умирающему Кайану было всё равно, кто этот человек и что ему нужно.

— Ты слышишь их? — это было первое, что спросил Орлан, и голос его был напряжён, как струна, готовящаяся лопнуть, в нём слышались странные, противоречивые эмоции — надежда, недоверие, жадность, благоговение. — Слышишь их шёпот?

Кайан не мог вымолвить ни слова, горло будто забило песком, а язык, казалось, прилип к нёбу, став неподъёмным и чужим. Но он кивнул, кивнул с огромным трудом, преодолевая боль, преодолевая слабость, преодолевая саму смерть, которая всё ещё держала его в своих костлявых объятиях. Он не слышал голосов, не слышал шёпота, не слышал никаких звуков, кроме звона в ушах и шума дождя. Он слышал нечто большее, нечто, что невозможно было описать словами, нечто, что находилось за пределами обычного человеческого восприятия. Он слышал, как скрипят оси телег, на которых увезли выживших, слышал, как бьётся сердце Лианы где-то за горизонтом, слышал, как тяжёлая капля, висящая на сосновой игле, вот-вот сорвётся вниз, в мокрую траву, в мутную лужу, в небытие.

— Ты «проходчик», — сказал тогда Орлан со странной интонацией, в которой смешались благоговение и страх, надежда и отчаяние, и Кайан, даже будучи на грани жизни и смерти, почувствовал, как эти слова отпечатались в его сознании, как клеймо. — Ты умер, но вернулся. Ты прошёл через врата и оставил там часть себя. А дверь оставил приоткрытой. Ты — щель, через которую дует ветер грядущего.

Орлан спас его не из милосердия, не из сострадания, не из простого человеческого побуждения помочь умирающему. Он понял, что перед ним редчайшее явление, уникальная возможность, которой он ждал многие годы, — человек, чья душа, побывав на грани между жизнью и смертью, потеряла защитную оболочку, потеряла ту самую невидимую броню, которая защищает обычных людей от хаотичного потока вероятностей, от бесконечного шёпота грядущего, от безумия, скрытого за тонкой плёнкой реальности. Точно такую же оболочку потерял и сам Орлан в результате одного давнего, тайного ритуала, проведённого им при королевском дворе много лет назад, ритуала, который стоил ему всего — положения, богатства, семьи, рассудка. Только Орлан обрёл свою щель через сложные, опасные магические обряды, через годы изучения запретных текстов и приёма сомнительных эликсиров, а Кайан — через грубую, примитивную травму, через ужас и боль, через саму смерть, пришедшую к нему в образе наёмника с обожжённым лицом. Это делало его не просто восприимчивым к «ветру грядущего», это делало его его проводником, его воплощением, его голосом в мире смертных.

Восемь лет понадобилось Орлану, чтобы приручить этот дикий, рваный дар, который грозил разорвать Кайана на части, развеять его сознание по бесконечным вероятностным линиям, превратить его в безумного оракула, бормочущего бессвязные пророчества в придорожной грязи. Восемь лет изнурительных тренировок, медитаций, постов, физических упражнений, доводивших его до полного истощения, ментальных практик, стиравших грань между сном и явью. Восемь лет понадобилось, чтобы научить Кайана не сходить с ума от бесконечного потока вероятностей, который обрушивался на него с той самой ночи, когда он умер и вернулся. Восемь лет, чтобы превратить его тело в совершенный инструмент, способный уклоняться от ударов судьбы, а разум — в идеально отполированное зеркало, отражающее невидимое, улавливающее то, что находится за пределами обычного восприятия.

Теперь, стоя в ночном лесу рядом с мастером, вдыхая холодный, влажный воздух, наполненный запахами прелых листьев и мокрой земли, Кайан чувствовал не благодарность, не признательность, не тепло, а странную, удушающую связь, которая, как стальная цепь, выкованная из общих тайн и окровавленных обрывков прошлого, соединяла их неразрывно, но в то же время разделяла, как разделяет пропасть двух путников, стоящих на разных краях.

— Ты думаешь о ней, — прервал его размышления Орлан, и это был не вопрос, не предположение, а констатация факта, произнесённая с той самой холодной уверенностью, которая всегда так раздражала Кайана, но которую он за годы обучения научился принимать.

— Я думаю о том, что с ней сделали, — ответил Кайан, и его голос был таким же холодным, как ночной воздух, но в его глубине, в его самых тёмных и потаённых глубинах, кипел вулкан ярости, готовый в любой момент вырваться наружу.

— Ты думаешь о том, что сделает твоё сердце, когда ты её увидишь. Если увидишь, — Орлан оттолкнулся от дерева и медленно, шаркающей походкой человека, проводшего слишком много времени в неподвижности, пошёл обратно к пещере. Кайан последовал за ним, и его босые ноги, привыкшие к холодной земле, ступали по мокрой траве, оставляя на ней едва заметные следы, которые через несколько минут смоем новый порыв дождя. — Месть, Кайан, — это петля. Ты тянешь за один конец, но она затягивается на твоей же шее, и чем сильнее ты тянешь, тем крепче она сжимается, пока не лишит тебя возможности дышать. Твой дар — это не меч, не оружие, не инструмент для убийства. Это весы, и я не учил тебя, как ими взвешивать жизни, как определять, чья жизнь тяжелее, а чья легче. Я учил тебя, как взвешивать мгновения, как определять, какой путь ведёт к свету, а какой — во тьму.

— Тогда зачем всё это? — Кайан почти кричал, хотя его лицо оставалось каменным, а голос звучал ровно и холодно, но внутри него бушевала буря, та самая буря, которую он так долго пытался подавить, загнать вглубь, заморозить. — Зачем превращать меня в... в это? В оракула? В прорицателя? В человека, который видит будущее, но не может изменить его?

Орлан резко остановился, и его фигура, освещённая бледным светом луны, пробившейся сквозь тучи, казалась не просто человеческой, а какой-то потусторонней, словно он был не живым человеком, а призраком, застрявшим между мирами. Он обернулся, и его бледные, выцветшие глаза, казалось, увидели Кайана насквозь, увидели не только его тело, но и его душу, его мысли, его воспоминания, увидели ту тлеющую, никогда не угасающую ярость, которая горела в его сердце все эти восемь лет.

— Я никогда не говорил тебе, зачем. Но сегодня я отвечу, — его голос был тихим, почти шёпотом, но в нём звучала такая сила, такая уверенность, что Кайан невольно затаил дыхание. — Я учил тебя, потому что однажды, Кайан, ты примешь решение, которое я никогда не смог бы принять. Ты стоишь на распутье, где мои нити уже оборваны, где мой путь уже пройден, где моя судьба уже свершилась. Твои — ещё нет. Твой дар — это не благословение богов, не знак избранности, не печать высшего предназначения. Это проклятие, тяжёлое, как могильная плита, и такое же холодное. Потому что ты увидишь смерть не как слепой, не как невежда, а как свидетель. Ты будешь чувствовать, как обрываются нити других людей, как гаснут их жизни, как их души уходят в небытие. И ты будешь знать, что мог бы... мог бы ... изменить их путь, повернуть их нить в другую сторону, спасти их от гибели. Но ты также будешь знать, что каждое такое вмешательство имеет свою цену, и цена эта может быть страшнее, чем сама смерть, которую ты пытаешься предотвратить.

Он подошёл ближе, и его лицо, изрезанное морщинами, словно русло пересохшей реки, оказалось в нескольких дюймах от лица Кайана, и в этот момент Кайан почувствовал, как его собственное сердце замерло, а воздух вокруг стал густым и тяжёлым, как перед грозой.

— Я учил тебя, чтобы ты не сошёл с ума в этом знании, чтобы ты не сжег себя, как сжёг я, — продолжал Орлан, и в его голосе впервые прозвучала нотка той самой боли, которую он так тщательно скрывал все эти годы. — Я учил тебя, чтобы ты не повторил моих ошибок. И, возможно, если эта вселенная не окончательно прогнила, если в ней ещё осталась хоть капля справедливости, ты сможешь сделать то, что не смог я: переписать одну, малую, жалкую нить. Нить той, которую ты всё ещё держишь в своей памяти, той, чьё имя ты шепчешь во сне, той, чей образ поддерживает тебя все эти годы.

Кайан смотрел в бледные глаза наставника и видел в них отражение собственной боли, видел ту самую бездну, которая разверзлась перед ним восемь лет назад и которая так и не закрылась, лишь затянулась тонкой коркой льда, готовой треснуть в любой момент. Орлан, бывший придворный провидец, сбежавший от мира, сбежавший от славы, от богатства, от власти. Сбежал ли он от этого мира, или от тех ужасов, что видел в своих видениях? Сбежал ли он, чтобы спастись, или чтобы наказать себя за то, что не смог предотвратить? Кайан не знал, и, возможно, никогда не узнает, потому что мастер никогда не говорил о своём прошлом, а Кайан не осмеливался спрашивать, опасаясь, что ответы окажутся слишком страшными даже для него.

— Ты больше не сосуд, Кайан, — продолжил Орлан тише, и голос его был полон ледяной усталости, той самой усталости, которая приходит после долгой, бессмысленной борьбы. — Ты — клинок. Я выковал тебя, снова и снова, в горне этого проклятого дара, бил по тебе молотом, сгибал, ломал, снова закалял в ледяной воде. И теперь этот клинок готов. Ты готов, Кайан. Теперь иди. Убей их всех. Верни её, если она жива, верни её домой, или, если это уже невозможно, отомсти за неё, отомсти так, чтобы твоя месть стала легендой, чтобы о ней слагали песни, чтобы твоё имя стало проклятием для тех, кто торгует человеческими жизнями. — Орлан развернулся и пошёл к темнеющему входу в пещеру, но на пороге остановился, и его слова, произнесённые через плечо, прозвучали не как предостережение, а как приговор, тяжёлый, как могильная плита, и холодный, как дыхание смерти:

— Но помни, Кайан: переписывая судьбу, ты платишь кровью. Не всегда своей. И часто цена бывает страшнее, чем сама беда, которой ты пытаешься избежать. Никогда не забывай об этом.

Он скрылся в темноте пещеры, оставив Кайана одного под бескрайним, равнодушным небом, которое медленно затягивалось новыми тучами, предвещающими скорый дождь. Внутри у Кайана всё дрожало, не от холода, не от усталости, не от страха, а от того самого «ветра грядущего», который теперь дул не в спину, не в лицо, а сквозь него, наполняя каждую клеточку его тела тем самым ощущением, которое он с таким трудом научился распознавать за годы тренировок. Его нить была натянута до предела, натянута так сильно, что, казалось, ещё мгновение — и она лопнет, лопнет с оглушительным звоном, который услышат все, кто способен слышать подобное. И где-то там, за тысячи лиг, на другом её конце, вибрировала нить Лианы, вибрировала слабо, едва заметно, но всё же вибрировала, что могло означать только одно — она ещё жива, и её жизнь, как и его, вплетена в эту бесконечную, запутанную паутину судьбы.

Не гадая, не сомневаясь, не раздумывая ни секунды, он вдруг ясно увидел перед собой дорогу, но не одну, не ту, по которой он сюда пришёл, а сотни, тысячи развилок, расходящихся в разные стороны, как ветви гигантского дерева, уходящего корнями в самую преисподнюю, а ветвями — в небеса. Он видел огни городов, таких огромных, что их зарево было видно за много лиг, и черноту пустошей, где не ступала нога человека, слышал звон оружия и шёпот предательства, чувствовал вкус крови и пепла, ощущал жар битвы и холод смерти. Впервые за восемь лет он не пытался отогнать видение, не пытался спрятаться от него, не пытался закрыть свой разум от потока вероятностей. Он смотрел в него, как в глаза палача, как в глаза судьбы, как в глаза самой смерти, и искал в них свой собственный путь, ту самую единственную нить, которая вела к его цели.

Он найдёт человека с обожжённым лицом, найдёт его, сколько бы времени это ни заняло, сколько бы преград ни встало на его пути. И когда найдёт, его дар станет не проклятием, а благословением, благословением для мести, благословением для правосудия, благословением для возмездия. А плата... Плата потом, плата после того, как свершится то, что должно свершиться, плата, о которой он подумает тогда, когда на его руках будет кровь его врагов, а в его сердце — покой, которого он не знал со дня своей первой смерти.

Кайан шагнул вперёд, в лес, в ночь, в своё кровавое и неизбежное будущее, и каждый его шаг отдавался в его сознании эхом того самого «Танца с Роком», которому он посвятил последние восемь лет своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.